

АУКЦИОН

Петербург. Почти все в зале — мужчины. Среднего возраста, в рубашках и пиджаках, в очках. У одного кожаный портфель шириной полметра — видимо, решительно настроен. Кто-то пьёт вино, свет ламп отражается в бокалах.

— Присаживайтесь, пожалуйста, мы начинаем аукцион. Итак, первый лот — Мережковский, имеются заочные биды... Восьмой лот — Бальмонт, «Тишина» (две секунды ведущая, девушка по имени Агата, ждёт) — снят!.. Одиннадцатый лот — Бунин, «Полевые цветы»! Восемнадцать тысяч, девятнадцать, двадцать, двадцать одна — раз! Двадцать две! Двадцать три! Двадцать три — раз! Двадцать четыре! Двадцать пять! — Считает до сорока. — Продано!

— Лот шестнадцать — «Азбука в картинах Александра Бенуа»! Есть заочные биды, озвучиваю самую большую цифру — сто пятьдесят тысяч!

Кто-то сзади во весь голос:

— Забирайте, у всех она есть!

— Продано заочно!.. Лот двадцать девять — Бальмонт, «Жар-птица»! Продано за семь тысяч, спасибо! Лот тридцать... О, опять «Жар-птица»! Только с автографом автора! Пятьдесят! Шестидесят! Восемьдесят! Сто! Сто двадцать! Сто сорок! Сто шестьдесят! Сто восемьдесят!.. Продано за триста сорок покупателю под номером семь, спасибо!.. Лот пятьдесят — Брюсов, рукописи стихотворений! Двадцать пять! Двадцать шесть! Продано за двадцать восемь, спасибо!

— Халява какая... — бормочет сосед.

— Лот шестьдесят один! Четыре тысячи! Пять!

Поднимавшему руку друг говорит:

— Давай борись, сражайся, я тебе одолжу! Хохочут.

— Лот шестьдесят четыре — Каменский, «Землянка»! Тридцать! Сорок! Пятьдесят!

— Очень хорошая книжка, — комментируют сзади.

— Шестидесят! Семьдесят!

— Да хватит уже! — слышится где-то слева.

— Продано за восемьдесят пять! Спасибо!.. Лот шестьдесят семь — Ахматова, «Вечер», с автографом автора! Четыреста! Пятьсот! Шестисот!

— Семьсот даёте? Восемьсот даёте? — шепчет Агата в трубку.

— Восемьсот! Девятьсот, чтобы выполнить свои обещания! Девятьсот — раз! Девятьсот —

два! Миллион! Миллион — раз! Миллион — два... Продано за один миллион, спасибо!

Мой сосед тяжело вздыхает и утирает пот со лба.

— Лот восемьдесят один — Цветаева, «Волшебный фонарь», есть заочные биды, поэтому сто восемьдесят тысяч! Двести! Двести двадцать!.. Триста!

— Кто же это торгуется? — Мужчина, сидящий впереди меня, поворачивается и всматривается в задние ряды.

— Продано за триста сорок, спасибо!.. Лот сто один — Блок, «Стихотворения»! Восемьдесят! Сто! Сто двадцать! Сто сорок!

— Смотри-смотри, кто-то повёлся, — ухмыляется один другому.

— Лот сто пять — Мандельштам, «Камень»! Пятнадцать! Шестнадцать! Семнадцать! Продано!

— А, погодите, мне тоже надо!

— Лот сто сорок один! Ахматова! «У самого моря»! Сорок! Пятьдесят! Семьдесят! Девяносто!

— Господи Иисусе!

— Не поминайте всуе!

— Продано за девяносто пять тысяч, спасибо!.. Лот сто шестьдесят пять — Бальмонт, «Марево»! Шестьдесят! Восемьдесят! Сто! Сто двадцать!.. Двести! Триста! Четыреста!

— Пятсот даёте? — тихонько говорит девушка в телефон.

— Агата, прекрати! Агата, перестань! — кричат ей из зала.

— Пятьсот, чтобы выполнить свои обещания!

— О каких обещаниях она всё время говорит? — озадаченно спрашивает мужчина с тросточкой.

— Продано за шестьсот тысяч, спасибо!

Сосед оборачивается назад, и ему кто-то говорит:

— Это не я! Ты что!

— Лот двести восемнадцать — Маяковский, «Париж»! Семьдесят! Восемьдесят!

— Книжка же максимум тыщу стоит!

— Раньше стоила.

— Да... Толь, а Рахманинов был хорош...

— Настя, — говорит муж жене, — опусти руку, опусти!

Она держит руку и выигрывает «Париж» за сто тридцать тысяч. Многие одновременно вздыхают, и этот общий вздох гулко разносится по залу.

— Лот двести восемьдесят восемь — Шаги-нян, «Тайна трёх букв»!

— Какая же там тайна, в трёх буквах-то?

— Так это же она Сталину, Сталину написала! Про три буквы!

— Ох...

— Ахматова, «Стихотворения»! 1946 год! Уничтоженное издание! Есть заочные биды, называю самую большую цену! Восемьсот тысяч! Девятьсот! Миллион! Миллион сто! Миллион

двести! Миллион триста! Четыреста! Пятьсот! Миллион пятьсот — раз!

— Миллион шестьсот даёте? — бормочет Агата в трубку, раскрасневшись.

— Эх, — сосед опускает руку и в изнеможении разваливается на стуле.

— Миллион пятьсот — два! Шестьсот! Миллион шестьсот — раз! Миллион семьсот! Миллион семьсот — раз! Миллион семьсот — два! Миллион семьсот — три, продано! Спасибо!

— Ох, не могу, пойду покурую, — сосед слева берёт куртку, оставляет на стуле полуметровый портфель и уходит.

Через пятнадцать минут:

— Аукцион окончен, всем спасибо! — говорит ведущая и кладёт молоток из красного дерева на обтянутую чёрным бархатом подставку.

* * *

Когда все разошлись и в зал проникал только свет уличных фонарей, в коридоре меланхолично мыла мраморный пол пожилая уборщица с двумя высшими образованиями. Из-за тяжёлых дубовых дверей аукционного зала слышались вздохи, смешки и звон бокалов.

— Раздавайте, Анна Андреевна!

— Ох, Иван Алексеевич, что ж вы делаете?..

— Вам, дорогая, сегодня грех жаловаться, со-
рвали куш! Сколько процентов-то берёте?

— Стесняюсь сказать...

— Что вы, здесь все свои! Да, Валерий Яковлевич?

Брюсов согласился.

«Неужели сидят ещё? И так уже всю Россию купили», — подумала уборщица и со всей силы принялась выжимать половую тряпку.

Зазвучали другие голоса, будто за покерный стол сели новые игроки.

УГОЛЬЯ

Дьякон вологодского кафедрального собора Михаил в последнее время чувствовал, что жизнь его петляет на месте, как потерявшийся в лесу грибник. И всё из-за епископа Максимилиана, который любил слушать, как он поёт на богослужениях. Михаил уже давно семинарию окончил, но никак не удавалось ему стать священником. Стоило завести разговор об этом с настоятелем, тот вздыхал и повторял: «Ну, ваше громогласие, пока сверху распоряжений по этому вопросу не поступало».

Михаил знал, крепко знал, что дело в епископе. Было в нём что-то бандитское. Сухонький, крепкий, деспотичный мужичок, который до поступления в духовную академию работал учителем физкультуры. Имелась у него неприятная манера: если он слышал что-то неудобное, то опускал подбородок, поднимал брови и смотрел на собеседника по возможности не мигая. Когда Михаил пел, епископ Максимилиан блаженно улыбался, и губы его шевелились, повторяя сло-

ва молитв. Но стоило дьякону заговорить с ним о своих идеях и литературных трудах, тот опускал голову, поднимал брови и смотрел на него как на пропавший салат.

Жизнь у Михаила шла в общем-то всегда не плохо. У него была семья, старик-отец в деревне, куда он любил ездить, встречи «Свитка» — литературного объединения вологодских писателей. Но в тот год всё стало исчезать, как в густом вечернем тумане. Сначала погиб отец — задохнулся во сне из-за не открытой по рассеянности заслонки печи, потом жена уехала жить к сестре в Ростов, а сын завёл подругу и тоже съехал. И остался Михаил один, продал свою двушку, купил совсем маленькую квартиру. Жил просто. В шкафу у него висел стихарь для богослужений, брюки да голубые рубашки, которые Михаил любил носить. Они и правда шли к его бледно-синим глазам, в которых, как говорили его знакомые, всегда сидела грустная смешинка, к его бороде, широким плечам и высокому росту. Ещё в комнате стоял письменный стол у окна, на котором царила старенькая пыльная лампа и лежал недорогой корейский ноутбук; кресло из отцовского дома; узкая кровать. На кухне тоже не было ничего лишнего. Окна выходили на школьную спортивную площадку.

Половину оставшихся от продажи квартиры денег Михаил отдал сыну, а свою часть потратил на ушатанную, но ещё передвигавшуюся

чёрную «девятку», чтобы ездить на ней в отцовский дом. Дел там было много: комната, где случился пожар, пришла в негодность — предстояло залатать дыру в полу, поклеить новые обои, покрасить пол и побелить потолок, позвать печника сложить новую печь. Старый дом стал заваливаться набок: положи мячик на пол — и он покатится, набирая скорость. Нужно было вызвать бригаду с домкратами, чтобы они приподняли дом и выровняли фундамент. На всё это требовались деньги.

А Михаил распоряжался более чем скромными финансами. На жалованье дьякона, даже такого, который однажды удостоился чести петь на службе в присутствии патриарха, можно было жить, но не тужить было сложновато. Хорошо ещё перед Новым годом Михаил поддался на уговоры одного доброго знакомого и подработал Дедом Морозом. Дети его обожали, а пьяненькие счастливые родители вкладывали ему в ладонь шальные тыщёнки. За неделю он и заработал на ноутбук, на котором увлечённо настукивал воспоминания, краеведческие записки и стихотворения в прозе, в которых продолжал традиции почитаемых в вологодских краях писателей-деревенщиков.

Но в конце весны, когда пора было приступить к ремонтным работам, денежный вопрос встал, как говорят председатели жилищных кооперативов, ребром. По вечерам Михаилу ста-

новилося грустно оттого, что он, пятидесятилетний образованный мужчина с могучей бородой, не может привести в порядок отчий дом. В разгар его страданий в храм приехал епископ Максимилиан. Хитро зыркнув на Михаила, он что-то сказал настоятелю, тот закивал и тоже посмотрел на Михаила. В голове дьякона слышался вкрадчивый и настойчивый голос, призывающий к мстительному неповиновению, и во время богослужения он нарочно фальшивил и даже дал петуха, а затем с тяжёлым удовлетворением наблюдал, как хмурился и морщил нос епископ.

— Что с тобой, Михаил, нализался вчера? — спросил настоятель после отъезда епископа.

— Не отрекаюсь, батюшка...

— Ну, больше так не делай.

На том и помирились. Настоятель был человек понимающий и по обстоятельствам душевный, так как сам проживал не без греха.

После той литургии Михаил шёл домой через рыночную площадь, злился на епископа с настоятелем и вдруг впервые почувствовал лёгкость свободы от обязательств и освежающий дух противоречия. Он огляделся и заметил много новых заведений: «Выручим до полочки», «Деньги здесь», «Экспресс-кредит». Он остановился у видавшего вида бетонного Ленина и задумался. А что ему ещё оставалось? Михаил выбрал самую приличную контору и вошёл.

За столом парень в полосатой футболке что-то сосредоточенно листал в своём смартфоне. Перед ним лежали листовки с весьма привлекательными предложениями. Михаил сел на свободный стул и начал их разглядывать. Печник тысяч десять попросит, потом на краску, на доски... А сколько стоит поднимать фундамент? Может, пока и так сойдёт? Программа «До зарплаты. До пенсии» ему подходила: выдавали сразу тридцать тысяч, проценты вроде приемлемые, если быстро вернуть деньги, а Михаил так и собирался поступить.

В анкете он гордо вывел: «дьякон». Консультант обратил на это внимание и обрадовался: «Такие люди к нам ещё не приходили!» Михаил вздохнул. Над графой о поручителе он долго думал и наконец написал: «Антон Витальевич Лысенко», а в скобках — «епископ Максимилиан». И телефон указал, благо был в мобильной записной книжке с тех пор, когда ему поручили в прошлом месяце отвезти епископу конверт и ящик крымского шампанского. Консультант присвистнул и прокомментировал: «С таким поручителем я могу вам и триста тысяч выдать». Михаилу вдруг стало весело. Он представил, как получит триста тысяч и уедет жить в Грецию, а епископа будут осаждать коллекторы.

Но после того, как его отец потерял свои сбережения на «МММ», Михаил старался отно-